

через утесы, преграждающие ему путь». «Не доходя до Ларса, я отстал от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между коими хлещет Терек с яростию неизъяснимой» [3, т.3, с.380]. «Мрачной прелестью природы» называет поэт эту картину. Он уже не склонен видеть в Кавказе «пристанище романтического духа». Напротив, теперь он опровергает и рассеивает романтические легенды, связанные с географическими названиями Кавказа, и делает это достаточно резко, называя их сказками: «Против Дариала на крутой скале видны развалины крепости. Предание гласит, что в ней скрывалась *какая-то* царица Дария, давшая имя всему ущелию: сказка. Дариал на древнем персидском языке значит ворота. По свидетельству Плиния, Кавказские ворота, ошибочно называемые Каспийскими, находились здесь. Ущелие замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными железом» [3, т.3, с.381]. Окованные железом ворота вместо сказочной царицы. Или еще: «Недалеко от селения Казбек переехали мы через Бешеную балку, овраг, во время сильных дождей превращающийся в яростный поток. Он в это время был совершенно сух и громок одним своим именем» [3, т.3, с.380]. В.В.Виноградов назвал это толкование разрушением «их ложноромантической этимологии».

Но феномен «обманутых ожиданий» накладывает отпечаток не только на нынешнее (1829 года) восприятие Кавказа: «Скоро притупляются впечатления. Едва прошли сутки, и уже рев Терека и его *безобразные* водопады, уже утесы и пропасти *не привлекали моего внимания*» [3, т.3, с.382]. Происходит гораздо более грустное событие: слишком тяжело разочарование, и Пушкин, возможно, невольно обесценивает и сами впечатления 1820 года, приведшие его на юг: «Я столь же равнодушно ехал мимо Казбека, как некогда плыл мимо Чатырдага» [3, т.3, с.382]. А как же «прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение – горы, сады, море»? А как же элегия, написанная ночью на корабле у берегов Гурзуфа? Все это от равнодушия? Видимо, нет, хотя с позиций психологии это очень хорошо объяснимо, ведь таким образом человек хочет разрешить не дающее ему покоя противоречие между желаемым и действительным и не считать ожидания обманутыми.

Таким образом, пушкинские документальность, точность и экономность описаний природы вовсе не исключают их экспрессивности. Это реалистические описания, но их нельзя рассматривать вне контекста жизненного и творческого пути А.С.Пушкина. Кроме того, по наблюдению В.Б.Шкловского, речь идет о новом приеме раскрытия предмета описания – «исследовании предмета посредством чередования его восприятий». И на примере изображения Кавказа в пушкинских произведениях мы видим это особенно ярко: отказ от романтизма не произошел в художественной системе поэта мгновенно и безболезненно, он явился закономерным следствием изменения его мироощущения, и прием контраста, а также описанный феномен «обманутых ожиданий» в изображении Кавказа дают нам возможность убедиться в этом. Этот вывод докзывают также изображения Грузии и Армении, что является материалом дальнейших исследований.

Источники и литература

1. Грифцов Б.А. Пушкинский пейзаж // Грифцов Б.А. Психология писателя. – М., 1988. – С.213–233.
2. Эйхенбаум Б.М. Путь Пушкина к прозе // Эйхенбаум Б.М. О прозе. – Л., 1969.
3. Пушкин А.С. Сочинения в 3-х томах. – М., 1987.
4. Шкловский В.Б. Повести о прозе. В 2-х томах. – М., 1966.
5. Арсеньев К.К. Пейзаж в современном русском романе // Арсеньев К.К. Критические этюды по русской литературе. – СПб, 1888. – Т. 2. – С. 294–336.
6. Мейлах Б.С. Творчество А.С.Пушкина. Развитие художественной системы. – М., 1984.
7. Логман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. – Л., 1983.
8. Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова // Литературное наследство. – М, 1941. – Т.43–44. – С.517–629.
9. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. – М., 1983.

Вдовиченко И.И., Любимцева Т.В. ПАВСАНИЙ В КОНЦЕ XX ВЕКА

This article is dedicated to the Pausanias' s "Description of Greece", which has lately become a subject of wide interest.

Сейчас принято определять индекс популярности и научной продуктивности ученого по показателю цитирования – насколько часто его труды используют в своих исследованиях другие ученые, как часто ссылаются коллеги и последователи на его весомое мнение, на новые материалы, которые он ввел в науку. Почетное место в десятке самых цитируемых авторов античности занимает Павсаний. Ни одно сочинение, касающееся античной истории, культуры, литературы и мифологии не обходится без использования сведений, содержащихся в его «Описании Эллады». С эпохи Возрождения сочинение Павсания пользуется большой популярностью среди любителей античности и ученых, причем, последний пик интереса к нему приходится на последние десятилетия XX века. В чем причина такой популярности? Чем интересен наше-

му современнику этот писатель II в.н.э., оставивший потомкам весьма специальный труд, обширный, неудобочитаемый, чересчур подробный, лишенный увлекательности и литературного блеска? Попытаемся ответить на эти вопросы в нашей статье.

Цель исследования - дать обзор современной научной литературы, посвященной Павсанию и его работе, определить основной круг проблем, которые интересуют сейчас исследователей, предлагаемые ими способы их решения. Современное состояние проблемы будет дано на фоне истории изучения этой работы начиная с XV века. Это позволит более выукло показать особенности современного этапа изучения труда Павсания.

Исследователь творчества Павсания Джон Черри считает, что книга Павсания в древности не была популярна, а её копии, скорее всего, хранились только в самых больших библиотеках - в Риме или на Востоке. В средние века упоминание о его работе мы находим лишь у Стефана Византийского (VI в.) и архиепископа Кесарийского Арефы, жившего в X веке [11, с. 254]. Потом наступает период полного молчания и лишь с наступлением эпохи Возрождения, когда культура Древней Греции объявляется образцом совершенства, труд Павсания возрождается из забвения. Им живо интересуются ученые и любители античности. Позже, в XVII, XVIII и XIX веках - это настольная книга ученых, путешественников и даже военных разведчиков. Так, в библиотеке английского топографа, полковника британской разведывательной службы Уильяма Мартина Лика (1777 - 1860), который широко использовал сведения Павсания, находились 9 экземпляров «Описания Эллады», начиная с одного из самых ранних венецианских изданий 1516 г. К началу XIX века растет интерес к этому автору, увеличивается количество переизданий его книги - в 1794 году она выходит в Лондоне; в 1814 и 1826 году - в Париже и Берлине, в 1822, 1832 и 1838 годах - в Лейпциге 20, р.190].

В 1898 г. появился новый перевод труда Павсания на английский язык Дж.Фрезера - "Pausanias Description of Greece". Это одна из ранних работ известного историка античности стала важным этапом в изучении жизни и творчества Павсания. Она подытожила изыскания исследователей XVIII-XIX вв. по сопоставлению сведений древнего писателя с современной топографией Греции, поиску сохранившихся к тому времени античных памятников [14, р.213-218]. Второй пик интереса европейской науки к личности Павсания приходится на вторую половину XX века. Особенно интересны работы Христиана Хабихта и Дж. Элснера, в которых они продемонстрировали новый, нетрадиционный подход к изучению его творчества. Х. Хабихт помещает его труд в его историческое и социальное окружение, рассматривает идеологические основы труда Павсания и приходит к выводу о его близости к так называемым «вторым софистам». Он страстно выступает против традиционного мнения о запутанном, непоследовательном, неаккуратном стиле сочинения Павсания [7, р. vii]. Дж. Элснер находит сходные черты в «стратегии описания памятников Павсанием и Геродотом и его последователями». В то же время, в отличие от Геродота, увлеченного Востоком, его яркой экзотикой, Павсаний занимался культурой и историей своей страны, считая памятники Греции не менее удивительными и важными, чем какие-либо другие существовавшие в древнем мире. Элснер одним из первых начал рассматривать книгу Павсания как источник по паломничеству и туризму в Римской империи [12, р.244-245].

Внимание исследователей в последнее время привлекает и тема восприятия современным читателем труда Павсания, влияние этой книги на стандарты восприятия мифологии и истории Древней Греции, ее памятников. Эта тема - одна из главных в сохранившихся к его труду «PAUSANIAS: travel and memory in Roman Greece», вышедших в 2001 году под редакцией Сусанны Элкок, Джаспера Элснера и Джона Черри в издательстве «Oxford University Press» [7, р. I-X].

Отечественная наука относилась к Павсанию несколько прохладнее, хотя с некоторыми отставанием следовала общей тенденции. Работа Павсания переводилась на русский язык не раз. Первый полный ее перевод, выполненный священниками М. Пахомовым и И. Сидоровским вышел в конце XVIII века двумя огромными томами, со всеми недостатками, характерными для только формирующегося российского источниковедения античности. Второй перевод, вышедший в 1879-1880 гг. в Санкт-Петербурге, принадлежит Г. Янчевецкому. Предназначенный в первую очередь для учащихся, он был снабжен многочисленными справочными таблицами, очерком истории античного искусства проф. Кекуле и вступительной статьей проф. Шубарта о историко-литературном значении труда Павсания, в которой обсуждаются вопросы о месте рождения и годах жизни Павсания, о целях написания работы, об источниках, которыми он пользовался, о методе и стиле работы и т.д. И, наконец, наиболее совершенный перевод - С.П. Кондратьева, снабженный его вступительной статьей и обширными комментариями вышел из печати в 1938-1940 гг. двумя томами. В основу этого перевода С.П. Кондратьев положил монументальное издание Гитцига и Блюмнера (Pausaniae Graeciae descriptio dipsiae 1898-1912), пользовался также изданием Спиро (Spigo Pausaniae graeciae descriptio dipsiae ed. Teubneriana, 1903), Дж.Фрезера (Pausanias' Description of Greece. London. 1898). "Целью своего перевода я ставил точность и правильность передачи текста. Попытка передать стиль Павсания, наивность его рассказа, если это не шло в ущерб русской речи" - пишет он во вступительной статье к книге [2, с.12]. Несмотря на то, что многие русские и советские ученые в своих работах опирались на сведения, оставленные Павсанием, личность этого человека не привлекла внимание отечественных исследователей. Отдельные упоминания о нем мы можем найти в работах В. Бузескула, В.И. Кузицина, О. В. Кудрявцева [1, 4, 3] и в справочной литературе. В последние годы ситуация несколько изменилась. В 1996 году издательство «Алетейя» в серии «Античная библиотека» переиздало перевод «Опи-

сания Эллады» С.П. Кондратьева под редакцией Е. В. Никитюка с его вступительной статьей [5, с. 20–40], а также с комментариями профессора Э. Д. Фролова [6, с. 5–12]. Авторы затрагивают обширный круг вопросов, касающихся жизни и творчества Павсания, стиля и метода его работы.

В современной греческой историографии, в общих работах, посвященных греческой культуре, литературе и истории традиционно высоко оценивается значение работы Павсания [21, Σ. 89]. Сам жанр периегесы жив до сих пор в греческой литературе. Подтверждением этому может служить работа Спироса Коккини: «Путешествие по Греции вместе с античными географами и периегетами» [23]. Классик современной греческой литературы Никос Казанзакис также отдал дань внимания этому жанру. Из-под его пера вышли яркие, запоминающиеся описания Египта, Испании, Италии, Кипра, Пелопоннеса, Англии и других стран [22].

Итак, какими сведениями располагает современная наука о Павсании и его книге? Мы до сих пор знаем о нем очень мало – ведь в отличие от других античных авторов, охотно делившихся со своим читателем подробностями своей биографии, Павсаний умалчивает о себе. Предполагают, что текст Павсания включал в себя предисловие, в котором рассказывалось о самом авторе, и объяснялись причины и цели написания книги. Возможно, это было посвячительное письмо, сходное с теми, которые существовали в традиции греческой литературы и литературы, и которое довольно легко могло быть потеряно или уничтожено [9, p.27–28]. С другой стороны, отсутствие в известных списках какого-либо вступления послужило основанием многим учёным считать, что Павсаний не гнался за литературной славой, не стремился представить в выгодном свете себя и свою работу. Родиной Павсания был один из городов Малой Азии, возможно Магнезия в Лидии. Однако более точно определить место его рождения современная наука не может. Исследователи делают следующие предположения: "Происхождение вероятно из окраин Магнезии..." [17, p.350]; " Мы не знаем ни точного времени, ни места рождения Павсания. Лишь по его же случайным указаниям мы делаем заключение, что, он родился в Малой Азии, около горы Сипилла примерно во II веке н.э., в эпоху Антонинов [13, p.6]. Некоторые историки дают более точные цифры: жил в период от 115 до 180 гг., труд его был, вероятно, на протяжении с 165 по 180 год, хотя этот факт остаётся спорным [9, p.21–24]. Дэвид Констан считает, что Павсаний происходил из Лидии расположенной сейчас где-то в западной Турции. Греческий язык был его родным, и он получил превосходное образование, скорее всего в его родном городе или где-то недалеко от него. Можно легко понять из замечаний в его работе, что он очень любил и гордился своей родиной [16, p. 58]. Эвен Боуи считает, что родиной Павсания был один из городов Малой Азии [9, p. 24–25]. В том случае, если *Magnesia ad Sipylum* является родным городом Павсания, то элементы мифологических и исторических традиций этого города могли стимулировать интересы Павсания и оказать влияние на его отношение к окружающей действительности. То, что действительно заслуживает внимания, так это принадлежность города именно к Малой Азии, а не к материковой Греции. Это был регион, в котором сконцентрировалась основная литературная деятельность греческого мира во II веке нашей эры. Богатые города этой области были и крупными культурными центрами, в которых развивались наука и искусство, большая часть греческих писателей этого времени жили, и творили здесь, а не в материковой Греции. С другой стороны Греция представляла древние традиции и имела живые доказательства славного прошлого. Именно уроженца Магнезии, а не материковой Греции, которую он посещал, но ни в одном городе которой он не был местным жителем, могло вдохновить на исследование и восхитить ее удивительное прошлое.

Павсаний, несомненно, принадлежал к высшим слоям общества и его литературный труд был для него, не источником заработка, как у софистов, а способом выразить свою позицию, свое кредо. Главной целью его работы было распространение и оживление идеи эллинского самоопределения. Ни слова о Риме; он описывает и воспекает только то, что было истинно греческим, как бы пробуждая в своих возможных читателях чувство любви и уважения к славному греческому прошлому.

Вопрос о жанровой принадлежности работы Павсания относится к разряду дискуссионных [10, p. 167 – 175; 15, p. 33 – 40; 17, p. 350]. В зарубежной и отечественной историографии "Описание Эллады" относят обычно к географической литературе (18, p.210), которая в ранний период была тесно связана с историей и этнографией. Тереза Рабенда относит труд Павсания к периегесе (в переводе с греческого *περιήγηση* «описание дороги вокруг чего-то»), называет автора Павсаний Периегет [17, p.350, 18, p.210]. Обычно под термином «периегеса» понимают географический каталог в форме путешествия в пределах какой-то области, но иногда он имеет более широкие рамки и касается местной истории. К.Джонс считает, что труд Павсания ближе к экзегете – *εξηγητής* (толкования, комментарии), жанру довольно распространенному в античной и раннесредневековой литературе. Целью этих сочинений было не описание дороги с попутным указанием ярких ориентиров, а толкование местных древностей и святынь, с пересказом мифов и преданий с ними связанных [15, p. 34–39]. Существует также мнения, что сочинение Павсания - это путеводитель для туристов и паломников [19, p.40–47], идеологический трактат, написанный с пропагандистской целью [16, p.57–60] и т.д.

Предшественниками Павсания С.П. Кондратьев считает: неизвестного автора так называемого папируса Хаура (*Hawara*), повествование которого "совершенно в духе Павсания, с явным археологическим уклоном " [2, с. 8]. Кроме того, нужно упомянуть сочинения Иона Хиосского [V в до н.э], который составил описание родного Хиоса. К нему близко примыкают давно известные отрывки Псевдо-Дикеарха. Другого предшественника Павсания Гераклида (388–310 гг. до н.э.) в его работе "О городах Эллады" привле-

кает местность, красота ландшафта, особенности облика и быта жителей; напротив антикварные достопримечательности или вопросы искусства его мало интересуют. Как раз эта сторона особенно сильно выдвинута у еще одного писателя, работавшего в этом жанре – Полемона из Илиона [220–160 гг. до н.э.]. Интересы Полемона были в большей степени религиозными, что объясняется тем фактом, что он был дельфийским проксеном. Итак, труд Павсания сочетает в себе античные традиции описания местности с отчётами о путешествиях, этому он обязан модели Геродота [13, р. 8]. Работу Павсания нельзя разделить на части: археологическую, религиозную, историческую и так далее; весь круг интересов автора представлен как неразрывное целое, и его труд представляет собой образное единство. Сами памятники срослись с мифологией и историей; например, в книге 4, посвященной Мессении, они связаны с богатыми событиями историей народа, проживавшего на этой территории, его изгнанием и возвращением. При изучении памятника Павсаний даёт как можно больше информации о нём, видимо всё, что узнал сам и прочёл у других писателей. Из его описаний нам становится известно из чего был сделан памятник, его внешняя форма, кому посвящён и за что. Так же мы узнаём о скульпторе или архитекторе его создавшем, о событиях, связанных с памятником; был ли повреждён и при каких обстоятельствах, ну а если есть забытая история или легенда, то Павсаний обязательно напишет и о ней. Так, рассказывая об Аттике, Павсаний не забывает упомянуть легенду о происхождении этой области и её названия: "Власть принял Кранай, из всех афинян особенно выдавшийся своим могуществом. Говорят, что у Краная, кроме других дочерей, была и Аттида, по её имени и стали называть эту страну Аттикой..." [Павс.1,2,6].

Обязательным компонентом повествования Павсания становятся мифы о древнегреческих богах. Автор сообщает о том, какие именно боги почитались в определённой части Греции и почему: "Книдiane больше всего почитают, Афродиту и у них имеется ряд храмов богини. Из них самый древний Афродиты - Доритиды (дающей плодородие), затем - Акреи(владычице горных вершин) и новейший, который все называют просто Книдской, а сами Книдiane - "Доброй помощницей в плавании" [Павс. 1,1,3]. Хотя Павсаний пересказывает множество легенд и преданий, он сам же пытается их опровергнуть и неслестно отзывается о людях, которые судят обо всём из театра и всему верят. Все же то, что путешественник видел, слышал и привел в своем сочинении определенным образом влияло на него. Вот, что он сам пишет об этом: "Когда я начал писать мою историю, я был склонен считать все эти легенды глупостью, безрассудством, но, выехав за пределы Аркадии, у меня появилось более глубокомысленное отношение к этому..." [Павс. 7,8,3]

Как известно, «Описание Эллады» состоит из десяти частей, десяти книг: 1 – Аттика, 2 – Коринфия (Аргос, Микены, Тиринф, Эпидавр), 3 – Лакония, 4 – Мессения, 5-6 –Элида, 7 – Ахайя, 8 – Аркадия, 9 – Беотия, 10 – Фокида. Каждая из книг посвящена одной из областей Пелопоннеса или Средней Греции, входивших в это время в провинцию Ахайя. Видел ли сам Павсаний те города и памятники, которые описывал? Два диаметрально противоположных мнения заключаются в том, что одни считали, что «Описание Эллады» – это большая компиляция, основанная или на одном источнике, например на перизгестическом труде Полемона (II век до н.э.), или на нескольких сочинениях различного характера [5, с. 28]. Другие же полагают, что нет сомнения в том, что Павсаний сам был во всех областях, которые он описывает [5, с. 29]. Он приводит огромное количество названий маленьких поселков, деревушек и местечек, названия которых можно было узнать только на месте, что подтверждается также ссылками самого Павсания на мнения их жителей по тому или иному поводу [Павс., 8, 44, 5]. Возможно, работа Павсания отображает весь путь, в той последовательности, в которой он путешествовал и писал, свои дневники и последовательно перерабатывал их для публикации [13, р. 4]. Читатель оказывается в чужом путешествии, идя по следам автора, следует по дорогам, которыми ходил он и, оказываясь в тех местах, где он был. Текст Павсания – это одновременно и описание путешествия по достопримечательным местам Греции, и в тоже время это очень тщательно разработанный и составленный справочник по избранным областям.

Сам Павсаний нигде не указывает, на какого читателя он рассчитывал. Поэтому мнения исследователей опять же разделились. Это могли быть греки, и, в первую очередь, жители Малой Азии, интересующиеся прошлым своей исторической родины, или же – римские филэллыны, или, наконец, читающая публика всего восточного Средиземноморья. Однако одно условие было строго обязательно для обращения к его сочинению – это владение греческим языком и хорошее знакомство с греческой культурой, поскольку оно требовало от читателя определенной подготовки [5, с. 25]. Книга была предназначена для знатоков литературы, людей с таким же традиционным образованием, как сам Павсаний, Лонг, Филострат. Тщательное описание маршрутов и исследование каждой области делало эту работу подходящей для использования в качестве путеводителя. Некоторые исследователи предполагают, что книги Павсания являлись путеводителем для паломников, что связано вплотную с распространением традиции туризма, путешествий и паломничества в Римской империи. До недавних пор паломничеству в Древней Греции и римском мире не уделялось никакого внимания. Только сейчас мы начинаем понимать, насколько важным было это явление в структуре внутренней и внешней политики во все периоды античности. Паломничество включало в себя такие формы: 1) важные государственные поездки *Θεωρία* – осмотр, посещение чужих стран, панэллинских святилищ, в которых проводились праздники и другие мероприятия 2) личные паломничества (в храмы, где лечили больных), которые приобретают значение в эллинистический период и позднее [19, р.402]. Говоря об античном паломничестве, нужно отстраниться от каких-либо ассоциаций, связанных с христианством. В христианстве паломничество – это метафора христианской жизни: достижение и посе-

щение священной земли. Метафора, означающая приобретение спасения после смерти, а если это так, то такое путешествие может привести к страданиям в жизни и даже к физической смерти. В таком случае паломничество – это время наложения епитимьи и паломника вынуждают на некомфортное, неудобное путешествие. Но подобные ассоциации не ограничиваются христианством, в какой-то мере они похожи на те, что можно найти в исламе. Сама идея паломничества, как метафора перехода через смерть к новому рождению принадлежит Платону, а возможно даже древним египтянам. В современном мире паломничество – личное дело человека, что не соответствует древним представлениям, тогда паломничество спонсировалось полисом и в основном проводились групповые путешествия. Для современного человека паломничество связано с понятиями страданий, ограничений, лишений, в то время как античное паломничество было связано с удовольствиями, радостью и праздниками. Однако граница между тем, что являлось паломничеством, а что нет, не всегда чёткая. Одной из проблем – разделение паломничества и туризма. На первый взгляд это довольно легко различить, так как туризм это посещение священных мест только ради самого посещения, а мотивы паломничества относятся к религиозным мероприятиям. Но совершенно неизвестно разделяли ли эти понятия древние греки [19, р.41].

Итак, кто же Павсаний? Паломник? Турист? Образованный человек, патриот, поставивший в своем труде задачу описать достопримечательности, составившие славу своей Родины? Труд Павсания – это документ, посвященный путешествию по Греции, в котором автор посещает в основном священные места. Он направляется из Афин в Дельфы через Олимпию и Пелопоннес. Большинство достопримечательностей были священны, и многие путешественники мотивировали подобные поездки религиозными чувствами, даже, если это было просто религиозное любопытство. В обоих случаях граница между паломничеством и осмотром достопримечательностей довольно нечёткая. Главный тезис исследователей, отвергающих тот факт, что Павсаний был паломником – это отсутствие каких-либо ритуальных действий с его стороны во время посещения религиозных мест [8, р. 461–473]. Всё, что автор делает, находясь в святилище или посещая какое-либо священное место, это осмотр всего того, что его окружает и рассказ историй, связанных с этим местом. Он очень редко приносит жертвы (например в Эгине). Тут следует упомянуть, что *Θεωρία* – понятие, которое совмещает осмотр и интеллектуальное исследование. В греческой традиции осмотр может быть частью более сложных ритуальных действий в святилищах, но конечно он может быть очень важен и сам по себе. Примером может послужить «Андромаха» Еврипида (1086–88), где рассказывается о том, что Неоптолем и его спутники посвятили 3 дня созерцанию святилища, прежде чем принесли жертву. Так что путешествие Павсания идеально соответствует этой традиции – ритуального созерцания и на каждой странице Перизгесы мы можем найти этому подтверждение. Осмотр главных достопримечательностей в храме – это именно то, что делали люди, посещавшие религиозные места [19, р. 43].

Йэн Ратерфорд считает также, что Павсаний был заинтересован в изучении не только деталей различных памятников религии, но более абстрактных и философских понятий и принципов. Так в храме Асклепия в Эгее [Павс.7.23] он спорил с человеком из Сидона о природе Асклепия и в конце концов оба пришли к выводу что он был воздухом. Умственный компонент входит в состав понятия *Θεωρία*, которое также имеет значение «философское размышление» и не ясно, была ли понятийная граница между ними. Философы использовали идею паломничества, как символ тропы рассуждения. Паломничество в какой-то мере касается религиозного открытия и паломник возвращается с большей религиозной верой, чем была у него, когда он отправлялся в путь. Так автор рассказывает нам о том, что, когда он начал своё путешествие мифы, например, такие как о Хроносе казались ему глупостью, но когда он добрался до Аркадии он осознал, что в мифах заключалось много правдивых мыслей в форме загадок [Павс.,8.2.3].

Очень важно было бы понять цели и задачи, которые ставил перед собой Павсаний. Дж. Элснер считает, что определяющей чертой, сверхзадачей путешествия и книги Павсания, является призыв к этническому самоопределению греков [13, р. 5]. На самом деле, если мы рассмотрим традиции государственного паломничества в Греции, мы увидим что этническое самоопределение является главной чертой этого феномена. Храмы и святилища были главным средоточием панэллинского единства. Паломники контактировали с «панэллинским» двумя способами: они видели артефакты со всей Греции в храмах, они контактировали с паломниками из других государств и областей и обменивались информацией, дипломатические отношения развивались на общем празднике, где, чтобы быть участником, надо было быть членом этого политического и культурного объединения государств. На панэллинском уровне храмы и праздники, на которые они приглашали паломников со всей Греции, были центрами развития общего греческого этноса [19, р. 45] Таким образом, решение Павсанием этой задачи – подчеркнуть идею эллинского самоопределения, было осуществлено традиционным методом – путем посещения национальных святынь и описания их в своей книге.

На этом закончим, поскольку тема обширна и неисчерпаема. Подведя краткие итоги заметим лишь, что всплеск интереса к Павсанию в конце XX века дал новый образ этого античного автора и его работы.. Многие века «Описание Эллады», которое благодаря счастливой судьбе, дошло до нас, почти полностью, без лакун, служило щедрым источником имен, вариантов мифов, эпизодов истории. Современные исследования поместили этот труд в конкретный исторический и социальный контекст, они рассматривают его как литературное произведение, созданное с определенной целью и рассчитанное на определенный круг читателей. Многие проблемы, поднятые Павсанием, близки и понятны современному человеку. Проблема национального и культурного самоопределения – одна из наиболее актуальных сейчас. Мы отстаиваем

свою культуру от засилья стандартов жизни, диктуемых более сильным в экономическом и военном отношении государством, мы размежевываемся в который раз в религиозном плане. Поэтому сейчас Павсаний близок нам и как личность – личность, отстаивающая культуру своего народа, его прошлое. Его экскурсии в античную древность, мифологические штудии казались, вероятно, бессмысленными и лишеными живой жизни многим его современникам. Нам же ясно, как никогда раньше, что преемственность, традиция – это опора духовности, культуры и психики.

Труд Павсания интересен не только узкому кругу специалистов. Он влияет на огромное количество людей через путеводители, которые до сих пор пишут, опираясь на сведения, почерпнутые в его работе. Если Павсаний задался целью оставить после себя такое произведение, которое напоминало бы о нём многим поколениям, то ему это удалось - он создал удивительный текст, который до сих пор формирует в общественном сознании стереотип «путешествия интеллектуала» и образ страны - Эллады, древняя слава которой дремлет на ее величественных руинах.

ИСТОЧНИКИ:

Павсаний. Описание Эллады, СПб.: «Алетейя». – 1996. – Т.1–2.

Источники и литература

1. Бузескул В. Краткое введение в историю. – Харьков, 1910.
2. Кондратьев С.П. Вступительная статья к "Описанию Эллады" Павсания// Павсаний "Описание Эллады". – М.: Искусство, 1938–1940. – Т.1–2.
3. Кудрявцев О. В. Эллинические провинции Балканского полуострова во 2 веке н. э. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954.
4. Кузищин В.И. Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). – М.: Издательство Московского университета, 1982.
5. Никитюк Е. В. Историко-антикварное сочинение Павсания в русле так называемого "Греческого возрождения" // Павсаний. "Описание Эллады". – СПб.: «Алетейя», 1996. – Т.1. – С. 20–40.
6. Фролов Э.Д. Новое русское издание Павсания//Павсаний. Описание Эллады. – СПб.: «Алетейя», 1996.–Т.1 . – С. 5–12
7. Alcock S. E., Cherry J. F., Elsner & J. Preface// PAUSANIAS – Travel and Memory in Roman Greece/Edited by Susan E. Alcock, John F. Cherry, & John Elsner . – Oxford university press, 2001. – P. 1-X.
8. Arafat K. W. Pausanias and the Temple of Hera at Olympia //BSA. – № 90. – 1995. – P.461 – 473.
9. Bowie E. Inspiration and Aspiration: Date, Genre, and Readership // PAUSANIAS – Travel and Memory in Roman Greece/Edited by Susan E. Alcock, John F. Cherry, & John Elsner . – Oxford university press. – 2001. – P. 21–33 .
10. Cartledge P. Sparta's Pausanias: Another Laconian Past// PAUSANIAS – Travel and Memory in Roman Greece/Edited by Susan E. Alcock, John F. Cherry, & John Elsner. – Oxford university press. – 2001. – P. 167 – 175.
11. Cherry J. F. Travel, Nostalgia, and Pausanias's Giant //PAUSANIAS – Travel and Memory in Roman Greece/Edited by Susan E. Alcock, John F. Cherry, & John Elsner. – Oxford university press, 2001. – P. 247–255.
12. Elsner J. From the pyramids to Pausanias and Piglet: monuments, travel and writing//Art and Text in ancient Greek culture/Edited by Simon Goldhill and Robin Osborne. – Cambridge university press, 1995.– P. 224–254.
13. Elsner J. Structuring "Greece": Pausanias's Periegesis as a Literary Construct // PAUSANIAS – Travel and Memory in Roman Greece/Edited by Susan E. Alcock, John F. Cherry, & John Elsner. – Oxford university press, 2001.– P. 3–21.
14. Henderson J. Farnell's Cults: The Making and Breaking of Pausanias in Victorian Archaeology and Anthropology// PAUSANIAS – Travel and Memory in Roman Greece/Edited by Susan E. Alcock, John F. Cherry, & John Elsner,– Oxford university press. – 2001. – P.207 – 223.
15. Jones C.P. Pausanias and His Guides// PAUSANIAS – Travel and Memory in Roman Greece/Edited by Susan E. Alcock, John F. Cherry, & John Elsner . – Oxford university press.– 2001.– P. 33– 40.
16. Konstan D. The joys of Pausanias// PAUSANIAS – Travel and Memory in Roman Greece/Edited by Susan E. Alcock, John F. Cherry, & John Elsner. – Oxford university press, 2001. – P. 57 – 63.
17. Rabenda T. Pausanias// Słownik pisarzy antycznych, pod redakcją Anny Swiderkowny.-Wiedza powszechna.-Warszawa, 1982. – P. 350.
18. Rabenda T. Geographiczna Literatyra// Słownik pisarzy antycznych /Pod redakcją Anny Swiderkowny.-Wiedza powszechna. – Warszawa, 1982. – P.209 –211.
19. Rutherford I. Tourism and the Sacred: Pausanias and the Traditions of Greek Pilgrimage// PAUSANIAS – Travel and Memory in Roman Greece// Edited by Susan E. Alcock, John F. Cherry, & John Elsner. – Oxford university press, 2001. – P. 40 – 53.
20. Wagstaff .J. M. Pausanias and the Topographers: The Case of Colonel Leake // PAUSANIAS – Travel and

- Memory in Roman Greece/Edited by Susan E. Alcock, John F. Cherry, & Jas Elsner. – Oxford university press, 2001. – P. 190 – 207.
21. Ελλάδα. Ιστορία και Πολιτισμός . - Αθήνα.- Εκδόσεις: Παγκόσμια Σύγχρονη Παιδεία – Μαλλιάρης.– 1981.– Τ. 3
22. Καζαντζάκης Ν. Ταξιδεύοντας .- Αθήνα.–1996.
23. Коккинί Σ. Ταξίδια στην Ελλάδα με συντροφιά τους παλιούς γεωγράφους και περιηγήτας.– Αθήνα.-Εστία . – 1986

Вдовиченко И.И., Хлебко Н.Н.
О РОЛИ МУЗЫКИ В ЖИЗНИ ВАРВАРОВ И ГРЕКОВ, ОБИТАВШИХ В
ДРЕВНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

This article explains the role of musical instruments in the myths and ordinary life of the ancient population of Black Sea Coast region.

Музыкальная культура греков и варваров, обитавших в древности на территории Северного Причерноморья мало изучена. Многочисленные археологические изыскания проводившиеся здесь дали большое количество находок, однако они не интерпретировались должным образом. Цель работы, которую мы предлагаем вниманию читателей – восстановить некоторые черты музыкальной культуры жителей этого региона, опираясь на данные античных авторов и археологические находки. Конкретные задачи, которые мы старались решить в ходе исследования были таковы: выявить характерные черты и особенности музыкальной культуры эллинов с одной стороны и варваров с другой, а также определить какие музыкальные инструменты использовались жителями этой части античной ойкумены в быту, во время религиозных процессов, театральных постановок.

Довольно детальное исследование, посвященное музыкальной культуре античности, древним музыкальным инструментам проведены американскими и французскими учеными. Так в работе Марты Маас “Stringed instruments of ancient Greece” [1] подробнейшим образом рассмотрена история происхождения струнных музыкальных инструментов, технология их изготовления, мифы и культы, с которыми связаны эти инструменты в представлении древних. Даниэль Пакет [2] характеризует несколько иной аспект - использование музыкальных инструментов в различных сферах жизни античного общества. Несомненно такой взгляд диктует материал, с которым работает исследователь – античные расписные вазы дают нам изображения бесчисленного множества ситуаций и сцен, в которых фигурируют музыкальные инструменты.

К сожалению подробного исследования о музыкальной культуре греческих городов–колоний Северного Причерноморья не существует. Очень краткие сведения можно найти лишь в небольшой главе, посвященной культуре античных городов в многотомном издании «Археология СССР с древнейших времен до средневековья» [3, с. 219. Табл.СХІХ]

Греческие писатели единодушно отмечают равнодушие скифов к музыке, неразвитость их вкуса. Геродот, который дал подробное описание быта скифов, отмечает, что они избегают заимствований чужеземных обычаев. В качестве примера он рассказывает историю гибели знаменитого скифского мудреца Анахарсиса: «он отправился в так называемое Полесье (оно лежит у Ахиллова бега и все покрыто разнообразными деревьями) и совершил в честь богини [малоазийской Матери богов, с культом которой познакомился в Кизике – И.В.,Н.Х.] полное празднество, с *тимпаном* (бубен) в руках и увешанный изображениями богини. Кто-то из скифов, подметив действия Анахарсиса, донес об этом царю Савлию; последний, прибыв туда лично и увидев, что Анахарсис совершает это празднество, убил его стрелой из лука» (Herodt,IV,76-80). Такое неприятие культа чужих богов и отрицательное отношение к греческим музыкальным инструментам было довольно стойким в скифском обществе. Домитий Каллистрат в I веке до н.э. возвращается к образу скифского мудреца – он вкладывает в его уста проклятие флейте. В письме к царскому сыну Анахарсис говорит: «У тебя флейты и кошельки, у меня стрелы и лук. Поэтому естественно, что ты раб, а я свободен, и у тебя много врагов, а у меня – ни одного» [Domit.Callicr.Epist.,6].

В «Нравственных рассуждениях» Плутарха (50–120 гг. н.э.) приводятся изречения царей и полководцев, в том числе знаменитого скифского царя Атея: «захватив в плен превосходного флейтиста Исмения, он приказал ему сыграть на флейте; между тем как прочие выражали удивление его игре, он сказал, что с большим удовольствием слушает ржание коня» [Plutarch.Moralia,At.] Составитель схолий к «Позднейшей аналитике» Аристотеля [5, с.147] снова отсылает нас к скифскому мудрецу Анахарсису, который объяснял отсутствие у скифов флейтисток тем, что у них нет винограда и пьянства (очевидно, в представлениях скифов, да и греков игра на флейте была тесно связана с распитием вина во время совместных пиров-симпозиев и других греческих ритуалов, связанных с Дионисом). Неужели музыка, пение, игра на музыкальных инструментах напрочь отсутствовали в жизни скифов? Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях», в биографии Деметрия Полиоркета упоминает об одном странном скифском обычае: «Скифы во время попок и опьянения щиплют тетивы луков, как бы призывая ослабляемое удовольствием мужество» [Plutarch. Vitae, XIX]. Натянутая тетива лука издает вибрирующий приятный звук – это прообраз всех